

ЗАМЕТКИ МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ

Я.Л. Писаревская

ДВЕ РОССИИ В МАНЧЖУРИИ: СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ И РЕЭМИГРАЦИЯ (20-е – начало 30-х гг.)

Из всех русских эмигрантских диаспор особняком стоит дальневосточная, а именно - манчжурская, судьбу которой нельзя назвать типичной для Российского зарубежья. Прежде всего - здесь необычен финал, приведший к распаду сообщества, одна часть которого приняла решение вторично эмигрировать, а другая – вернуться на Родину. В сущности, Манчжурия была своего рода “перевалочным пунктом” на пути из России в эмиграцию. Тем не менее, на четыре десятка лет для тысяч беженцев она стала домом, в котором было уютно жить, потому что это был не китайский, а русский дом, с характерным укладом и стилем жизни. Русский Харбин к началу 30-х гг. сохранял все атрибуты крупного русского города, даже внешне напоминающего многие провинциальные города России начала века. Как вспоминает очевидец харбинской жизни 20-х гг., “...в Харбине было такое ощущение, что мы попали обратно в дореволюционную Россию. Харбин был очень русский город, а население – фантастическое, потому что там были русские люди, которые считали в ту пору, когда мы туда приехали, что они живут в России”.¹

Главной особенностью эмигрантского бытия в Манчжурии была непосредственная близость советской колонии, обосновавшейся на линии КВЖД с середины 20-х гг.

С установлением дипломатических отношений между СССР и Китаем (1924 г.) и передачей КВЖД в совместное советско-китайское управление начался период советской экспансии в Китае. Он выразился в экономической и политической деятельности советской администрации КВЖД, главным направлением которой было привлечение в

СССР денежных потоков и идеологических сторонников. Для привлечения сторонников была создана целая пропагандистская машина, призванная вербовать коммунистические кадры из рядов строителей КВЖД и эмигрантов. Период открытого советского влияния, закончившийся в 1927 г. (усиление позиций Гоминьдана и разрыв дипломатических отношений с СССР) сменил период нелегальной деятельности, который длился вплоть до 1935 г.

Реальная жизнь бок о бок советской и эмигрантской колоний в условиях неустойчивой политической ситуации (многочисленные интриги СССР и Японии, для которых территория Манчжурии была весьма лакомым куском, и, как результат, советско-китайские конфликты и гражданская война в Китае) породила массу драматических сюжетов и непростых вопросов, до сих пор не изученных и малоизвестных.

Ключевыми, на наш взгляд, являются вопросы: 1) каким образом сформировалась большая советская колония в Манчжурии? 2) почему люди решили вернуться на Родину спустя не один десяток лет, благополучно прожитых в Китае? 3) как происходило возвращение, ставшее для большинства шагом в пропасть? Найти ответы на них помогают не только архивные документы, но и биографические интервью, взятые автором у участников тех далеких событий.

Процесс формирования советской части русской диаспоры Манчжурии растянулся почти на целое десятилетие. Фундаментом ее стали русские железнодорожники – строители КВЖД и Харбина, большая часть которых решила принять советское гражданство до 1925 г. Затем в их ряды влилась довольно большая группа так называемых “советских специалистов”, прибывших в Харбин с передачей КВЖД в советско-китайское управление (1924 – 1925 гг.). Наряду с интеллигенцией, решившей переждать трудные времена в спокойном Китае, здесь было немало агентов ОГПУ, занимавших различные должности в аппарате советской администрации (КВЖД, Генерального консульства, торгпредства). К концу 20-х гг. решение о переходе в советский лагерь приняли некоторые представители антибольшевистской эмиграции, на которых повлияли как внешние обстоятельства (обострение социально-политического кризиса), так и советская пропаганда, обещавшая не преследовать “бывших” и обеспечить им достойную жизнь в СССР.

Как известно, Китай не мог обеспечить русских эмигрантов работой. Несмотря на определенную социальную стабилизацию (по

сравнению с началом 20-х гг.) и отсутствие массовой безработицы, во второй половине 20-х гг. продолжал оставаться нерешенным вопрос занятости беженцев, и, прежде всего, неквалифицированной молодежи. Условия и оплата труда оставляли желать лучшего. В 1926 г. на большинстве частных предприятий рабочий день был не нормирован, в среднем по 9 - 10 час. К примеру, в типографии “Общества Заамурских офицеров” (ОЗО) молодежь работала по 14 час. в сутки без перерыва на обед. Средняя заработная плата составляла от 15 до 30 руб. в месяц. Использовался детский труд за стол и угол (например, в знаменитой харбинской фирме “Чурин”). Практически отсутствовала бесплатная медицинская помощь для работников, не везде оплачивались больничные листы и отпуска сотрудников.

На этом фоне работа на КВЖД имела ряд преимуществ. Рабочий день в мастерских и депо КВЖД не превышал 8 час., в конторах - 6 час. Помимо достаточно высокой заработной платы (от 15 до 50 руб.) и предоставления казенной жилплощади (с 1926 г. таковая предоставлялась даже ученикам) работникам дороги гарантировалась бесплатная медицинская помощь, оплачивались отпуска и курортное лечение. С 1925 г. проводилась активная работа по привлечению безработных на различные бесплатные курсы (руководителей детских площадок, машинописи, ученичества на КВЖД и другие), выдавались безвозвратные пособия по безработице и т.д.²

Поправить материальное положение можно было и в других советских учреждениях. Перейдя на работу в них, человек сразу обретал возможность пользоваться многими привилегиями, среди которых были казенное жилье в хорошем районе, достаточно высокая оплата труда, бесплатные школа и дошкольные учреждения. До 1924 г. минимальный оклад служащего КВЖД был равен 18 руб. (Имеется в виду золотой рубль, в то время почти равный манчжурскому даяну. — Я.П.) После передачи дороги в советско-китайское управление минимальный оклад штатного служащего был поднят до 35 руб. в месяц.³ По воспоминаниям работавших в совучреждениях, жили они хорошо. “Я в торгпредстве по вечерам машинисткой подрабатывала. Так за один вечер я могла купить себе хорошие туфли. Столько платили”.⁴ “Мы жили небогато, но могли каждый день поставить на стол торт”.⁵

Большинство коренных русских, когда-то приехавших в Манчжурию в поисках стабильной работы, обзаведясь большими семьями и привыкнув к достатку, крепко держались за свои рабочие места. Принятие советского гражданства стало той ценой, которую им пришлось запла-

тить за сохранение привычного социального статуса. Кроме того, в значительной мере переходу в советский лагерь способствовали объективные факторы: приезд большого числа беженцев из России сильно ударил по материальному положению мелких служащих и рабочих КВЖД. Именно потоки военных и гражданских беженцев начала 20-х гг. принесли с собой в Манчжурию тревогу перемен, лишив русских харбинцев привычной материальной стабильности.

“...Когда я уже много лет прожила в Харбине – вспоминает коренная харбинка, - и все было благополучно, то вдруг большевики взяли власть в свои руки и беженцы стали все бежать в Манчжурию, я даже не помню, кто они такие... У нас же в Манчжурии очень хорошая жизнь была, дешевая, там же частники работали и очень дешевая жизнь была. За 15 долларов я и мама жила, по одному доллару в день. И квартира недорогая была. И вот они узнали, что там хорошая жизнь и стали бежать в Харбин. И тогда уже стало плохо. Уже тогда я стала думать о том, что надо уезжать. Эти беженцы жили в России богато. И когда они приехали, жизнь сразу стала плохая. Они же имели много денег. Сразу вздорожали квартиры, продукты, уже нельзя было на один доллар в день жить. Они испортили нам жизнь”.⁶

Большевистская пропаганда умело воспользовалась недовольством русского коренного населения, создав образ врага в лице эмигранта-буржуя, изгнанного из России и приехавшего “угнетать трудящиеся массы” Манчжурии. Источник раздражения был найден в самих беженцах (на самом деле по большей части обездоленных и нищих), а не в причинах, толкнувших их к бегству. В результате уже с 1922 г. наиболее пробольшевистски настроенные коренные русские (в основном молодежь) предпринимали попытки получить советское гражданство. По некоторым сведениям, около 19 тыс. железнодорожников начали ходатайствовать о получении советских паспортов, 1 тыс. стали китайскими подданными, и только 1 тыс. предпочли остаться эмигрантами.⁷ Переход КВЖД в советско-китайское управление только поставил последние точки в вопросе гражданства коренных русских. По данным В. Аварина, к началу 30-х гг. в Манчжурии проживало 150 тыс. советских граждан, около 100 тыс. эмигрантов и 15 тыс. китайских подданных.⁸

Для эмигрантов, попавших в Манчжурию с потоками отступающих белых войск, принятие советского гражданства стало выходом, позволившим не только избежать нищеты и безработицы, но и обрести уверенность в завтрашнем дне. Те небольшие средства, что некоторым

удалось вывезти из России, были неудачно вложены в бакалейные, мясные или хлебные лавки. Лавки быстро “прогорали” из-за неопытности и наивности их владельцев. Приход советской администрации на КВЖД и те возможности, которые представились в плане трудоустройства и социальной защиты, сыграли большую роль в привлечении эмигрантов на сторону Советской власти. Сразу высветились неблагоприятные стороны эмигрантского существования: бесправие, экономическая зависимость, бесперспективность.

Для многих обоснованием и оправданием перехода в советский лагерь стали идеи сменовеховства, идеологом и активным проводником которых стал профессор Юридического факультета Н.В. Устрялов (последние годы жизни в Харбине он работал в библиотеке КВЖД). Характерна метаморфоза, которую претерпели его взгляды на протяжении десятилетия, прожитого им в Харбине (с 1925 по 1935 гг.). Начав с оправдания большевистской идеи “национальной государственности” и патриотического ликования по поводу охватившего Россию “духа восстановления, ренессанса”, Устрялов в начале 30-х гг. в целом положительно оценил коллективизацию (“социальный материал советской деревни оказался пластичнее, чем это ожидалось”).⁹

Вера в будущее России и желание вернуться были настолько велики, что сумели сделать их приверженцев слепыми и глухими к очевидным переменам в советском государственном строе и политике. Нельзя сказать, что интеллигенция не колебалась. Она “жила на чемоданах”, “собираясь каждый год возвращаться в Россию”, и, тем не менее, сумела “дотянуть” до последнего, до 1935 г., когда выбора между Родиной и вечным изгнанием уже не оставалось.¹⁰

Однако для большинства эмигрантов подоплека перехода в советский лагерь лежала не в плоскости идеологии. Главными мотивами были социальная заинтересованность и прагматичная забота о будущем детей. В условиях отсутствия стабильного дохода и недостатка средств для дальнейшей эмиграции в экономически развитую страну, выезд в СССР представлялся единственной возможностью гарантировать детям перспективное будущее. Вот типичная фраза из подслушанного ребенком разговора родителей: “Ты же не хочешь, чтобы твоя дочь стала кельнершей?” Жизнь в эмиграции не сулила девочкам ничего более достойного, нежели место гувернантки у богатых иностранцев или кельнерши в ресторане.

Конечно, можно было пытаться решить жизненно важные вопросы в рамках эмигрантского положения, для чего все же существовали оп-

ределенные условия. По данным Г.В. Мелихова, к 1925 г. число частных русских предприятий удвоилось по сравнению с 1922 г., и, в целом, к середине 20-х гг. можно было говорить об успешной экономической адаптации русских беженцев.¹¹ Тем не менее, очевидно, что у части эмигрантов страх перед неопределенностью и нищетой перевесил страх перед большевизмом. Однако стоит заметить одну черту, присущую всем эмигрантам, решившимся взять советское гражданство: они не держали личного зла на большевистскую власть.

К середине 20-х гг. Харбин разделился на советскую и антисоветскую части – на “красный” и “белый”: “...В Харбине много советских было, советская колония была. Не было дружбы, вражда была. Были организации эмигрантские, такие, как скауты, а у советских – пионеры, комсомольцы. Советские жили отдельно от нас, и даже районы Харбина были отдельные, например, Московские казармы. Там были советские школы”.¹² Район Пристани (примыкающий к берегу реки Сунгари) в основном заселяли владельцы частных эмигрантских предприятий, а Модягоу (окраина Харбина) был отдан на откуп наиболее скромной в материальном отношении эмиграции. Подобно другим окраинным районам (например, Нахаловке), Модягоу был застроен небольшими деревянными домами с палисадниками. В начале 20-х гг. здесь можно было встретить и старослужащих КВЖД (многие из которых стали уже советскими), и эмигрантов, пытающихся свести концы с концами ведением натурального хозяйства. К “красной” части можно было отнести район Нового Города – центральный, где располагались Управление и правление КВЖД, Железнодорожное собрание. Здесь, по преимуществу, селились служащие советской КВЖД, получившие ордера на казенные квартиры. Партийная номенклатура не прочь была воспользоваться прелестями буржуазного быта: члены Правления КВЖД, к примеру, занимали двух- и трехэтажные особняки “с садом, подстриженным на английский манер, боннами и поварами”, а также имели личный телефон и казенную машину.¹³ Служащие среднего звена (бухгалтера, статистики, юристы и другие) довольствовались хорошими квартирами или небольшими казенными домиками.

При этом жилье для эмигрантов в Харбине было серьезной проблемой. Большинству приходилось снимать углы, комнаты или часть дома “без удобств”. В одной из популярных в Харбине постановок легаровской оперетты “Цыганский барон” местные артисты щеголяли понятной только обнищавшей аудитории “отсебятиной”: “Снимал в Нахаловке я место за два с полтиной с кипятком” (под “кипятком” под-

разумевался общий чайник, в определенное время кипящий для постояльцев во дворе хозяина-китайца).

Но неверно было бы утверждать, что все советские служащие жили на порядок лучше эмиграции. Здесь можно говорить об общей тенденции, но в реальности уровень жизни зависел от ряда субъективных факторов, таких, к примеру, как наличие образования и уровень квалификации. Многие были вынуждены заниматься натуральным хозяйством. Для семей с количеством членов свыше 4-х человек натуральное хозяйство было хорошим подспорьем, так как зарплаты железнодорожного служащего низкой квалификации едва хватало на питание. Характерен также пример советских служащих, работавших на значительно удаленных от Харбина станциях КВЖД. Их положение усугублялось отсутствием на большинстве станций учреждений культуры, а иногда и начальных школ для детей (в подобных случаях дети учились и жили в интернатах для советских служащих в Харбине).

Если социальный вектор советской пропаганды был направлен в первую очередь на взрослых, то идеологический предназначался молодежи и подросткам. Расчет был удивительно правильным, ибо в то время, как родители взвешивали все “pro” и “contra” открывающейся советской перспективы, их дети с присущими молодости легкомыслием и максимализмом всерьез загорались коммунистическими идеями. Далекая и никогда не виденная Родина представлялась в романтическом ореоле новой жизни, несущей в себе нечто неизведанное и величественное.

На протяжении 20-х и вплоть до середины 30-х гг. в Манчжурии успешно действовала подпольная комсомольская организация, сыгравшая немалую роль в привлечении молодежи и детей на советскую сторону. История харбинского комсомола берет свое начало в 1920 г., когда группой активистов из местной молодежи (А. Трехтенберг, П. Косоуров, Н. Щудляк) была организована первая комсомольская ячейка в районе Казенный затон (это был пролетарский поселок, где жили рабочие железнодорожных мастерских).¹⁴ В марте 1921 г. состоялся I съезд российского комсомола Северной Манчжурии, а к 1923 г. были созданы первые пионерские отряды.

К 1931 г. КВЖД имела 29 учебных заведений для детей советских граждан: 11 школ 1-й ступени, 11 школ 2-й ступени, детский сад и 6 школьных общежитий. При всех школах и клубах нелегально работали октябрятские и пионерские ячейки, количество членов которых в Харбине и вдоль линии КВЖД к 1930 г. составляло 224 и 1189 чело-

век соответственно.¹⁵ При каждом районном комитете комсомола имелось пять так называемых “баз” работы с пионерами. Базы были разбиты на отряды, а отряды поделены на звенья по пять человек в каждом. Пионеры, в свою очередь, должны были организовать работу с октябрятами. Под прикрытием работы в школьных кружках и факультативах наряду с основным профилем занятий велось “знакомство с основами политической экономии марксизма-ленинизма”. Детям рассказывали, какими темпами идет строительство социализма в СССР, как хорошо живут советские школьники и т.п.

Воспоминания наполняют ярким содержанием партийные отчеты о числе “приобщенных”. “В девять лет я была уже пионеркой. ...Так как мы были советские, и отец был членом партии, то приняли без возражений. ...Носить галстуки нельзя было. Вернее, галстуки надевали только на закрытых собраниях. Кто-то из наших караулил на улице, и, если идет полиция, мы снимали галстуки и куда-нибудь их прятали, накрывали быстро стол. Собирались отдельно, мальчики, и девочки, по пять - шесть человек. И только когда была Пасха, то собирались все вместе, и мальчики и девочки. Только на Новый Год и на Пасху... Потому что если кто придет, можно было сказать, что мы справляем чей-то день рождения...”¹⁶ “...В октябрята нас с братом уже в Модягоу записали. Ну, мы ходили, собирались, какие-то мальчики и девчонки постарше нас, мне было лет 7 - 8, и мы ничего не понимали, но салют отдавали, говорили: “клянемся” и так далее, но что это такое было - мы не понимали...”¹⁷

Детям даже в большей мере, чем взрослым, необходимо было “вписаться” в новую жизнь, какую где-то далеко жила Россия. У них это вылилось в стремление соответствовать принятому в СССР идеалу “политически сознательного ребенка”. Дети играли в политические игры, замороженные героико-романтической атмосферой “подпольной жизни”. Но членство в нелегальных детских организациях было доступно далеко не всем. Для этого требовалось наличие отца или брата, состоящих в партии или, хотя бы, в советском профсоюзе. Поэтому политическая активность детей из семей “менее советской” по духу интеллигенции или бывших эмигрантов могла проявляться в работе легальных групп “Синяя блуза”, инициаторами создания которых были местные советские профсоюзы. Группы “Синей блузы” были весьма популярны в Харбине в 20-е гг. Силами комсомольской молодежи организовывались агитбригады, писались пьесы, ставились спектакли с политическим содержанием “на злобу дня”. Взрослые члены групп

создавали ячейки “Синей блузы” в советских школах (с делением на “звенья” и “звездочки” по аналогии с “пионерией”). Для детей это была игра, лишенная остроты таинственности и риска, но откровенно заявляющая о себе своеобразной внешней атрибутикой: “...В школе...я был принят в “Синюю блузу”. Это было торжественное посвящение, целый ритуал: мама мне сшила синюю блузу-распашонку, наподобие рубах-толстовок, в каких в старину ходили, распущенные такие, и под горло, чуть выше колен. И мы все ходили в этих блузах”.¹⁸

В атмосфере вражды и подозрительности, установившейся между двумя “лагерями” русских жителей Манчжурии, только дети находили общий язык. Несмотря на то, что взрослые не советовали (а иногда запрещали) общаться с “враждебной стороной”, “красные” дети не боялись встречаться и дружить с “белыми”. Во дворах своих домов они спорили о политике и будущей жизни или просто играли. Страх уже пустил корни, но еще не овладел полностью детскими душами. “Мы часто спорили. Одни говорили, что ты поедешь в Советский Союз и все узнаешь, будете голодать, и, кроме того, твоего отца посадят, потому что он белый офицер. А другие говорили, что там институты, будешь учиться, и там тебя ждет прекрасное будущее...”.¹⁹ Однако, существуют свидетельства, говорящие о случаях массовых драк между “красными” и “белыми” подростками. Как правило, стычки организовывались “сверху” по инициативе молодежных партийных групп.

Стремление к стравливанию “белого” и “красного” лагерей было неотъемлемой частью комсомольской политики второй половины 20-х г. Достаточно упомянуть о практике “боевых дружин”, созданных при харбинском горкоме ВЛКСМ в 1925 г. Несмотря на то, что сначала дружины придерживались оборонительной тактики (в целях защиты советских учреждений, профсоюзов и клубов от налетов активистов белых организаций), к зиме 1925 г. дружинникам было дано добро на “индивидуальные задания по избиению”.²⁰ В конце 1926 г. руководители “боевых дружин” рапортовали в Москву об “основательном избиении” 40 человек “белых”, а также последовавшем за первыми “успехами” громком убийстве одного из лидеров монархической организации “Черное кольцо” Гомонилова в январе 1926 г.

Дети работников КВЖД должны были учиться только в советских школах. Преподавательский состав школ на 80% состоял из “старых” кадров, что благоприятно сказывалось на качестве обучения. Тем не менее, до конца 20-х гг. официально считалось, что в начальной школе КВЖД “удалось приблизиться к методам и системе преподавания,

принятым в СССР". На страже новых идеалов стоял такой предмет, как "обществоведение", призванный вырастить из детей далеко не революционной провинции будущих "строителей коммунизма". Не всеми учащимися обществоведение воспринималось адекватно. У детей из среды интеллигенции знакомство с "политэкономией по-советски" вызывало реакцию, близкую к шоковой, так как "говорить о политике с детьми в семье считалось дурным тоном".²¹ Большая часть советской интеллигенции "сменовеховского" толка, в среде которой холодное отношение к большевистской идеологии компенсировалось патристическим духом солидарности с новой Россией, детей своих предпочитала воспитывать в традициях России дореволюционной. Широкий круг общения (скорее эмигрантский, нежели советский), культ русского культурного ренессанса начала века, религиозность и церковность заметно выделяли детей интеллигенции из среды их советских сверстников. Они почти ничего не знали о пионерах и, как правило, не интересовались политикой. Попав в школу КВЖД, такие дети сразу начинали ощущать свою маргинальность, нередко испытывали чувство вины. Многие из них к моменту возвращения на Родину в 1935 г. могли бы сказать, что "харбинская жизнь воспринималась ... не как то, что было на самом деле, а как то, чего не должно было быть, потому что слишком хорошо жили, слишком занимались детьми, мама не работала, не было трудностей".²²

Типично советский парадокс: в то время как пропагандистская машина усиленно работала, созывая под знамена коммунизма новых приверженцев, советская административная "верхушка" Северной Манчжурии благополучно обуржуазивалась. В жизни ведущих советских работников консульства, торгпредства, правления КВЖД и других совучреждений успешно сочетались служение "большевистским идеалам" со вполне буржуазным бытом и кругом интересов. Роскошные особняки с прислугой, яхты, рестораны стали нормой жизни для большинства начальников. Владение частью КВЖД было прибыльным для СССР делом: документы свидетельствуют об огромных переводах средств от использования дороги. К примеру, только в течение марта - апреля 1930 г. из Манчжурии на счета Госбанка СССР было переведено 4,15 млн. дол. США.²³

Экономическое сотрудничество советской, китайской и эмигрантской сторон могло быть эффективным только при условии корректного и уважительного отношения друг к другу. Усмотреть здесь "крамолу" было очень легко, ибо экономические контакты могли выглядеть как

дружеские (а зачастую и являлись таковыми). Небезызвестная борьба с “правым уклоном” в конце 20-х – начале 30-х гг. затронула и Манчжурию. Большая часть советских и партийных руководителей Манчжурии (во главе с секретарем Северо-Манчжурского комитета ВКП(б) Френкелем) оказались в числе 250 тыс. коммунистов, исключенных из партии за принадлежность к “правому уклону” в 1929 – 1931 гг. Формальным же поводом для проведения “чистки” послужил советско-китайский конфликт 1929 г. Отделы ЦК и ЦКК ВКП(б) захлестнула волна компромата, свидетельствующего о многочисленных злоупотреблениях со стороны как высших должностных лиц, так и работников среднего звена советской администрации. Основные обвинения сводились к “отходу от ленинских принципов” партийной дисциплины, выразившемся в повальном пьянстве и беспутном поведении начальства (посещения ресторанов, кафе-шантанов, публичных домов), а также расходовании партийных средств на личные нужды. Участились факты “невозвращенчества” некоторых партийных деятелей, подлежащих принудительной репатриации в СССР, где их ждало неминуемое наказание. Одним из наиболее громких случаев был отказ подчиниться решению “тройки” ЦКК ВКП(б) секретаря партийной ячейки торгпредства СССР в Харбине Пученко.²⁴

С захватом КВЖД и высылкой управляющего дорогой в июле 1929 г. китайская администрация депортировала почти всех ответственных советских сотрудников КВЖД в пределы СССР. Большинство активистов-подпольщиков после увольнения со службы стали узниками китайских тюрем и концлагеря в Сумбее. Некоторых из них удалось переправить через границу нелегально. Существовала хорошо отлаженная цепочка из доверенных лиц и тайных агентов, по которой шла переброска советских “нелегалов” на Родину. После стабилизации обстановки и возвращения советской администрации к январю 1930 г. большинство арестованных были отпущены и депортированы в СССР. Депортация 1929 – 1930 гг., а также массовые партийные чистки значительно ослабили ряды коммунистических и комсомольских ячеек, которым до 1935 г. так и не удалось восстановиться. Обескровленными оказались и советские профсоюзы, насчитывавшие к 1931 г. всего 2 700 членов.²⁵

С восстановлением советской администрации на КВЖД начались репрессии по отношению к средним и мелким служащим дороги. “Врагами СССР” были объявлены все, “кто не увольнялся по время конфликта”. Такая причина, как необходимость кормить семью, счита-

лась неуважительной. В результате немалое число советских граждан оказалось в “подвешенном” положении: отмежевавшиеся от эмиграции, они были отвергнуты и советской стороной.

Советско-китайский конфликт и последовавшие за ним события заставили многих русских в Манчжурии задуматься о будущем, которое все менее хотелось связывать с Китаем. Экономический кризис, разразившийся в Манчжурии в первой половине 30-х гг., сильно ударил по эмиграции. Наиболее обеспеченные эмигранты стремились уехать в Западную Европу и Америку. Те, что победнее, предпочитали миграцию в другие, более спокойные районы Китая (например, в европеизированный Шанхай). Русские с советским паспортом готовились к возвращению в Россию. Они хотели вернуться, одновременно страшась будущего, так как жизнь в Харбине была обеспеченной и интересной, а слухи из метрополии - не самыми ободряющими. Тем более, что эмигрантские газеты постоянно печатали информацию о тяжелой жизни в СССР, о раскулачивании и голоде начала 30-х гг.

Тем не менее, реальность японской агрессии, сыгравшей основную роль в принятии решения о возвращении, показалась харбинцам более очевидной и опасной. В феврале 1932 г. японская армия вступила в Харбин. И если большинство белоэмигрантов восприняли установление оккупационной власти японцев с надеждой на “законность и порядок, возможность мирного труда и нормальной жизни”²⁶, то для советской колонии это было началом конца харбинского благополучия. Вместе с японцами в жизнь вошли страх и ощущение беспомощности. “Я училась в техникуме (это бывшее коммерческое училище)... - вспоминает современница событий, - и помню, как в 35 году пришли к нам в класс японцы смотреть по каким учебникам мы занимаемся... А напротив нас было Управление железной дороги... И после их ухода учитель наш, который нам счетоводство преподавал, говорит нам: “Вставайте, вставайте, идите к окну, посмотрите!” Мы подошли и увидели, как наш флаг с Управления дороги сняли и повесили вместо него японский. И так было грустно, так было печально! Потому что никто не знал своей судьбы... Что будет дальше? Нас же всех увольняют!”²⁷

Все же, несмотря на аресты ряда работников КВЖД, в целом японцы отнеслись к советским лояльно. Советские отвечали тем же. Если и имело место отрицательное отношение русских к оккупантам, то связано оно было, прежде всего, с жестокостью японцев по отношению к китайскому населению. Возможно, впервые русские ощутили свою

солидарность с китайцами, которые долгие годы воспринимались лишь как экзотическая часть быта (общение редко выходило за рамки отношений между работодателем и прислугой). “Мы стояли у окна дома и видели, как идут по улицам японцы. А в доме напротив жила интеллигентная китайская семья. Какой-то японец подошел и с кулаками заставил этого китайца нести за ним какую-то поклажу...”²⁸ В воспоминаниях очевидцев много свидетельств о погромах китайских торговых лавок, избиениях на улицах, резне китайских военных. Однако многие рассказывают о японской оккупации со своей, тогда детской точки зрения. “Как мы восприняли их приход? Только то, что японские солдаты были на улицах... Мы жили рядом с Московским ипподромом, а японцы устраивали на нем военные учения, штыковую учебу проводили, чучела соломенные кололи... А там рядом огромный бурьян рос, мы там играли в казаки-разбойники... А японцы ипподром-то оцепили, через каждые 200 - 300 метров стояли. Им скучно на посту стоять-то, они нас зовут: “Поди, поди сюда”. Японцы вообще детей-то любят. И они угощали нас своими японскими конфетками...”²⁹

В марте 1935 г. КВЖД была продана японцам и всем советским железнодорожникам была выплачена компенсация за многолетний труд на дороге. Одним из условий “переуступки” КВЖД было выделение японцами 30 млн. иен пенсионных денег для выплаты советским железнодорожникам. Механизм выплаты предоставлял советской стороне возможность влиять на настроения потенциальных реэмигрантов. Началась активная подготовка к отъезду.

Молодежь знала о России из рассказов взрослых, чья рожденная ностальгией восторженность зачастую создавала образ, далекий от действительности. Старшее поколение стремилось на Родину как домой, тоска по родным местам и давно не виденным родственникам пересиливала страх неизвестности: “Мы все мечтали жить в России, чтоб все свои кругом... Мама всегда говорила: “Ну когда мы поедем на родину, когда мы поедем на родину? Там и дождь другой, и все другое...”³⁰

Рассказчица из семьи, тесно связанной с семьей Н.В. Устрялова, так описывает настроение в доме накануне отъезда: “Помню, перед отъездом, в 35 году, сидят отец и Устрялов... И вот они говорят о том, что “да, как хорошо, что едем наконец в Россию. Ну, конечно, придется, может быть, пару лет просидеть на Соловках, хотя никакой вины нашей нету, но ничего, зато дети...”³¹ Конечно, было ощущение опасно-

сти, особенно у бывших чинов белых формирований и у интеллигенции, лучше осведомленных о событиях в СССР. С газетных и журнальных полос на читателей обрушивалась информация о трудностях адаптации бывших харбинцев, вернувшихся в Россию в начале 30-х гг., о фактах арестов и притеснений. Но не следует забывать, что многое из того, о чем писали эмигрантские издания, рассматривалось как обычная контрпропаганда. “Сестра дружила с семьей Ощепковых. Отец их служил в Управлении дороги, большую должность занимал. Незадолго до отъезда он прочитал в белоэмигрантской газете, что его сын, который раньше уехал, арестован в СССР. Но он не поверил, и все равно поехал”.³²

Дети, на которых не лежало груза ответственности за решение возвращаться, с одной стороны, беспечно ждали новых впечатлений, а с другой - подтверждения сложившихся представлений о России. Мифы о “матушке-России” и “Москве белокаменной”, положенные на свежий пласт коммунистических “сказок”, рождали в сознании детей необыкновенные картины насыщенной событиями, интересной жизни.

Все знали о материальном неблагополучии жителей СССР. Перед отъездом на полученные от администрации КВЖД, немалые тогда, деньги закупалась масса вещей, которые должны были пригодиться по возвращении. “Брали абсолютно все: и мебель, и обстановку, посуду, покупали шубы, пальто, запас чтобы был. Половину вагона барахла везли... Мы ехали к тому, что там уже ничего не купишь и не приобретешь. Складные кровати даже у нас с мамой были. Не ждали, что будет сладко”.³³ Даже тем, кто не был избалован красивой одеждой,

покупались хорошие вещи, прослужившие впоследствии много лет. Накануне отъезда молодые девушки делали красивые прически - им предстояло выйти замуж в СССР. “Мы с подругами бегали делать шестимесячную завивку. Рассказывали, что вот, едем на Родину. Парикмахеры шутили: “Поезжайте, выйдете там замуж за комиссаров”.”³⁴

С весны до осени к харбинскому вокзалу подавались эшелоны-теплушки, на вокзалах устраивались проводы. “Я прекрасно помню, как они уезжали, - рассказывает свидетельница из эмигрантов, - они уезжали с музыкой, с песнями, частушками и плясками. Все они были очень и очень зажиточные, смотрели на оставшихся харбинцев отрицательно... Тогда антагонизм был, как же: “Я старый советский, а вы эмигранты - значит, без Родины””³⁵

Многие вспоминают переезд границы. Волнение взрослых передавалось детям. “У меня осталась в памяти такая картина: мы переезжали

границу в яркий солнечный день, и, кажется, там была какая-то арка, похожая на радугу, на которой было написано: “Союз Советских Социалистических республик”. И когда мы под этой аркой проехали, то отец перекрестился и сказал: “Прими, земля родная!”³⁶ У некоторых осталось в памяти, что арка была зеленой и “увита какими-то растениями”. На границе реэмигрантов встречали с музыкой и цветами. Правда, многим пришлось расстаться с частью библиотек и коллекциями пластинок (разрешали “только классику”).

Дорога в СССР стала первым пробным камнем на многострадальном пути возвращения и адаптации к новой жизни в стране “победившего социализма”. Дорога рождала смешанные чувства радости и страха, радости - от сознания, что ехали, наконец, на Родину, страха - потому, что возвращались в Россию, за 18 лет перекроенную большевистской властью по своей мерке. Собираясь в путь, многие понимали, чем рискуют, однако считалось, что по-настоящему рискуют только “бывшие”, перебравшиеся из стана белых в советский лагерь. Их было немного и вины перед Советской властью они не ощущали, заработав это чувство уверенности многолетним трудом на советской КВЖД.

Одной из первых неприятных неожиданностей была неприязнь к проезжающим со стороны местного населения, взволновавшая гораздо больше, чем официальный праздничный прием. “На одной из первых остановок мы вышли погулять и услышали: “Ишь, какие буржуи приехали!”³⁷ На фоне советских женщин “в красных платочках и ситцевых платьях” харбинцы выглядели неприлично нарядно: взрослые одеты скромно, но по европейской моде, а из детской одежды в ходу - экзотические для Советской России шляпки, гольфы, босоножки, шорты. Самым неожиданным и страшным в пути было столкновение с реальностью набирающей обороты машины ГУЛАГа: нередко мимо проходили составы с заключенными, на путях работали узники концлагерей. “Помню, был какой-то разъезд. И там женщины на путях работали, как оказалось, заключенные. Мы стали бросать им хлеб и продукты разные, у нас много с собой запасено было. А они нам: “И вас скоро такая же участь ждет”.³⁸ “На каком-то перегоне черная детская ручонка протянулась к нашей теплушке за хлебом. Это осталось в памяти кошмаром - голодный ребенок...”³⁹

Картины советской реальности плохо сочетались с пышными встречами и вполне сносным меню вокзальных ресторанов. “А как нас встречали на станциях! В любой город подъезжаем - музыка играет, как будто какая делегация приезжает. В вокзальных ресторанах на

столиках надпись: “Только для КВЖД”. Я даже переживала: как же другие? есть, что ли, нечего?”⁴⁰ В Иркутске был распределительный пункт, откуда бывшие харбинцы пересаживались в пассажирские вагоны и разъезжались в разные города страны. Уезжая из Харбина, почти никто заранее не знал, куда он попадет (за исключением тех, кто ехал по вызову к близким родственникам). Распределяли по разным городам СССР, от Мариуполя до Новосибирска. Нередко это были захолустные железнодорожные станции или отдаленные от центра провинциальные города, серая жизнь которых мало напоминала многоцветье русского Харбина. “Когда мы приехали в Самару, то на перроне стояла молодая женщина, похожая на известную голливудскую актрису Клару Боул. Это была такая рыжекудрая секс-вамп. Она стучала ногами в стену и кричала своему мужу: “Куда ты меня привез?! Вези меня обратно!”⁴¹

Первоначальное разочарование испытали почти все реэмигранты, однако из чувства самосохранения и заботы о детях предпочитали об этом не говорить. Несмотря на общие со страной пребывания язык, историю, а также осознанную советскую ориентацию, мы можем говорить о наличии культурного шока в среде реэмигрантов 1935 г. Считая себя советскими людьми в Манчжурии, в России “кэвэжэдинцы” (так они подчеркивали свое отличие от эмиграции) стали идентифицировать себя с эмигрантами. Можно сказать, что в Манчжурии они были “своими среди чужих”, а в СССР стали “чужими среди своих”. К этому прибавился крайне низкий уровень жизни: плохое жилье, отсутствие бытового обслуживания, бедный выбор товаров и продуктов первой необходимости. Из благополучного современного Харбина реэмигранты попали в захолустные города (Мичуринск, Анадьрь, Мариуполь, Уфу и другие). Приезжим сразу давали жилье, но получить отдельную квартиру было практически невозможно: это были комнаты или квартиры с подселением, без удобств, часто с дровяным отоплением. “Первые впечатления были... это было убожество, конечно. Мы получили... это была избушка буквально, какой-то засыпанной домишко, без удобств, туалет на улице... Отец, привыкший, естественно, к совершенно другим условиям (у нас в Харбине был особняк пятикомнатный и телефон, и если что-нибудь было нужно заказать, то это делалось по телефону, и приносили все, что надо, к столу), то здесь ему пришлось нести на себе картошку и так далее...”⁴²

Но если к материальным условиям жизни все же можно было привыкнуть, тем более, что многие привезли с собой вещи и деньги (доллары,

которые некоторые успели отоварить в торгсинах), то с чувством страха и незащищенности мириться было гораздо трудней. Два - три года жизни на родной земле сделали общительных, хлебосольных харбинцев людьми замкнутыми и угрюмыми. Они всеми силами стремились быть ангажированными новой жизнью: доказывали свою лояльность ударным трудом на работе, ходили на демонстрации, отмечали советские праздники. Внешняя похожесть только подчеркивала внутреннюю инаковость. Отпечаток харбинского прошлого лежал на них клеймом, заставляя замыкаться в себе, не вспоминать и не делиться ни с кем своими воспоминаниями. Стараясь не афишировать общение с земляками, харбинцы изредка собирались, чтобы подсчитать потери: кого и как сняли с работы, арестовали и т.д.

Самая тяжелая ноша легла на плечи старшего поколения. Почти все они быстро поняли, что совершили ошибку. Порой чувство вины и ожидание ареста делало жизнь невыносимой (нередко происходили самоубийства на этой почве). Дети лишь смутно догадывались о размерах трагедии, переживаемой родителями. Культурный шок, как отражение начальной стадии адаптации к условиям СССР, им приходилось переживать на своей, детской “территории жизни”. Непосредственность, с которой дети реагировали на новое, лишь подчеркивала глубину несоответствия “советского мифа” реальности...

Бежавшие от японского “молота”, реэмигранты середины 30-х гг. оказались на советской “наковальне”, где и были безжалостно раздавлены вместе с другими “враждебными” сталинскому режиму “элементами”. 19 сентября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило приказ НКВД “О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев”.⁴³ В результате по “харбинскому делу” были репрессированы 49 470 человек, из них 31 226 - расстреляны.⁴⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹¹ Из интервью с Берковской Е.Н.

² ЦАДМО.Ф.1.Оп.23.Д.575.Л.61.

³ РГАСПИ.Ф.613.Оп.3.Д.50.Л.5-6.

⁴ Из интервью с Лев Р.А.

⁵ Из интервью с Подкаменных Ю.М.

⁶ Из интервью с Лев Р.А.

-
- ⁷ Балакшин П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско, 1958. Т.1. С.135.
- ⁸ Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах харбинского комитета помощи русским беженцам)//Отечественная история.1996.№ 1.С.72.
- ⁹ Устрялов Н.В. Россия: (У окна вагона).Харбин,1926.С.53; Устрялов Н.В. Наше время.Шанхай,1934.С.1.
- ¹⁰ Из интервью с Берковской Е.Н.
- ¹¹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917 - 1924 гг.).М.,1997.С. 61.
- ¹² Из интервью с Пасынковым И.Н.
- ¹³ Из интервью с Бородиной Л.П.
- ¹⁴ ЦАДМО.Ф.21.Оп.1.Д.836.Л.112.
- ¹⁵ РГАСПИ.Ф.613.Оп.3.Д.50.Л.10.
- ¹⁶ Из интервью с Горчаковской Н.Н.
- ¹⁷ Из интервью с Линевой В.А.
- ¹⁸ Из интервью с Подкаменных Ю.М.
- ¹⁹ Из интервью с Бородиной Л.П.
- ²⁰ РГАСПИ.Ф.613.Оп.3.Д.50.Л.3.
- ²¹ Из интервью с Берковской Е.Н.
- ²² Из интервью с Берковской Е.Н.
- ²³ РГАСПИ.Ф.613.Оп.3.Д.50.Л.2.
- ²⁴ РГАСПИ.Ф.613.Оп.3.Д.51.Л.139.
- ²⁵ Там же.Л.123.
- ²⁶ Балакшин П. Указ.соч.С.163.
- ²⁷ Из интервью с Линевой В.А.
- ²⁸ Из интервью с Бородиной Л.П.
- ²⁹ Из интервью с Подкаменных Ю.М.
- ³⁰ Из интервью с Линевой В.А.
- ³¹ Из интервью с Берковской Е.Н.
- ³² Из интервью с Линевой В.А.
- ³³ Из интервью с Подкаменных Ю.М.
- ³⁴ Из интервью с Макеевой З.Г.
- ³⁵ Из интервью с Шегухиной Г.П.
- ³⁶ Из интервью с Бородиной Л.П.
- ³⁷ Из интервью с Аккуратновой М.П.
- ³⁸ Из интервью с Линевой В.А.
- ³⁹ Из интервью с Бородиной Л.П.
- ⁴⁰ Из интервью с Линевой В.А.
- ⁴¹ Из интервью с Бородиной Л.П.
- ⁴² Из интервью с Бородиной Л.П.

⁴³ Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С.190.

⁴⁴ Данные предоставлены московским отделением общества “Мемориал”.